

XXIV $\frac{31}{12}$

ИЗВѢСТІЯ
ТУРКЕСТАНСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ II 1900.

ВЫПУСКЪ II.

СОСТАВЛЕНЪ

подъ ред. Предсѣд. И. Т. Пославскаго и Члена Редакц.
Комитета Я. П. Гультиева.

ТАШКЕНТЪ.
Типографія Штаба Туркест. Воен. Округа.
1900.

О таджикахъ Ташкентскаго уѣзда.

(КРАТКІЙ ОТЧЕТЪ).

Въ засѣданіи Правленія Туркестанскаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества 13 Января 1900 года, при обсужденіи смѣты на указанный годъ, правитель дѣлъ Николай Гурьевичъ Маллицкій предложилъ ассигновать до 150 рублей на этнографическое изслѣдованіе таджикскихъ поселеній Ташкентскаго уѣзда, мотивируя предложеніе тѣмъ, что поселенія таджиковъ къ сѣверу отъ Бұраминскихъ горъ, расположенныя въ глухихъ горныхъ мѣстностяхъ, въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ, заслуживаютъ глубокаго вниманія, какъ форма иранскаго племени на сѣверо-востокѣ.

По личнымъ наблюденіямъ Н. Г. Маллицкаго, въ настоящее время таджики, живущіе въ предгорьяхъ Ташкентскаго уѣзда, быстро сартизуются, и въ то время, какъ болѣе консервативные элементы населенія, женщины и старики, еще сохраняютъ таджикскій языкъ, молодежь болѣею частью говоритъ по тюркски. „Быть можетъ“, высказался Н. Г. Маллицкій, „изученіе таджикскихъ поселеній Ташкентскаго уѣзда будетъ способствовать разрѣшенію вопроса о происхожденіи сартовской народности, особенно если

при этомъ производить также антропометрическія измѣренія. Во всякомъ случаѣ эта экспедиція доставитъ матеріалъ для составляемой Николаемъ Александровичемъ Бендерскихъ этнографической карты Туркестанскаго края, тѣмъ болѣе, что, по заявленію профессора В. В. Бартольда въ письмѣ его на имя правителя дѣлъ отъ 7 Іюня минувшаго года, таджики Ташкентскаго уѣзда въ литературѣ совершенно неизвѣстны и не значатся на существующихъ доселѣ этнографическихъ картахъ. Необходимо только послать въ районъ таджикскихъ поселеній Ташкентскаго уѣзда спеціалиста, хорошо знакомаго съ таджикскимъ нарѣчіемъ“.

Выполнить это лестное порученіе Отдѣлъ поручилъ мнѣ. 6 Іюня прошлаго года я получилъ необходимую инструкцію, составленную Н. Г. Маллицкимъ и утвержденную правленіемъ Отдѣла, запасся подробною картою Ташкентскаго уѣзда и въ серединѣ Іюня выѣхалъ.

Антропометрическія измѣренія произведены быть не могли, за неполученіемъ вовремя изъ Петербурга списка необходимыхъ инструментовъ и пособій по антропометріи.

Въ Ташкентскомъ уѣздѣ таджики живутъ только въ восточной части его, въ горахъ къ сѣверу отъ границы Ферганской области. Самымъ сѣвернымъ пунктомъ области распространенія таджиковъ въ нашемъ уѣздѣ является кишлакъ Бискѣнъ, южнымъ—Шаугазъ и восточнымъ—Баксукъ. Число таджикскихъ поселеній въ этой области 10; изъ нихъ Наудакъ и Объ-паршакъ, не показаны на картѣ. Затѣмъ имѣются два кишлака со смѣшаннымъ населеніемъ, таджикскимъ и сартовскимъ, это—Аблыкъ и Баксукъ.

Во всѣхъ названныхъ кишлакахъ таджиковъ насчитывается приблизительно 1800 дворовъ, съ населеніемъ около $8\frac{1}{2}$ тысячъ человѣкъ обоого пола, считая тутъ-же и дѣтей:

Богустанъ . . .	160	дворовъ—	1000	человѣкъ.
Нанай . . .	194	„	800	„
Бискѣнь. . . .	49	„	200	„
Юкоры-Нанай . .	36	„	150	„
Бричь-мулла	500	„	1500	„
Заркянтъ . . .	177	„	2000	„
Невичъ	170	„	750	„
Наудагъ	165	„	700	„
Шаугазъ	40	„	150	„
Объ-паршагъ. .	18	„	70	„
Аблыгъ	200	„	700	„
и Баксугъ. . . .	65	„	200	„

За вѣрность собранныхъ мною цифровыхъ данныхъ не могу поручиться. Думаю, что они значительно уменьшены. Дѣло въ томъ, что всѣ туземцы вообще подозрительно относятся къ собиранію русскими разнаго рода статистическихъ свѣдѣній, въ особенности же, свѣдѣній о численности населенія: они обыкновенно думаютъ, что, дѣлая подсчетъ жителей, русскіе намѣрены брать ихъ въ страшную для нихъ военную службу, ссылатъ въ Сибирь, или выдворятъ изъ Туркестана въ другія мѣста имперіи. Поэтому туземцы, при представленіи свѣдѣній о числѣ населенія, показываютъ его въ большинствѣ случаевъ по крайней мѣрѣ вдвое меньше, чѣмъ слѣдуетъ. Такъ напримѣръ, если у отца есть двое уже семейныхъ сыновей, то при подсчетѣ о нихъ умалчиваютъ, показываютъ только одного отца. Что же касается различныхъ сборовъ съ населенія, то они уплачиваются совмѣстно, т. е. отецъ и сыновья рас-

кладываютъ уплату ихъ между собою. Возможно, что я и ошибаюсь, но въ справедливости этого мнѣнія меня убѣждаютъ сами же туземцы: нѣсколько административныхъ лицъ изъ нихъ спрашивали меня, что лучше лично для нихъ: представлять-ли начальству преувеличенныя свѣдѣнія, или уменьшенныя.

О происхожденіи большинства своихъ кишлаковъ таджики почти ничего не знаютъ, но все-таки считаютъ ихъ древними. Болѣе или менѣе опредѣленныя свѣдѣнія мнѣ удалось собрать о Богустанѣ, Юкоры-Нанаѣ, Бричь-муллѣ и Обь-паршакѣ.

Богустанъ, расположенный на скатѣ горы, въ верстѣ съ небольшимъ отъ рѣки Бискѣна, въ старину находился на самомъ берегу рѣки, но лѣтъ 800 слишкомъ тому назадъ былъ снесенъ ею. Юкоры-Нанай основанъ недавно, лѣтъ 50 назадъ, выходцами въ числѣ 3—4 семействъ изъ Наная. Теперь въ Юкоры-Нанаѣ 36 дворовъ, съ населеніемъ въ 150 человекъ. Бричь-муллинцы считаютъ себя переселенцами изъ Чуста, Ферганской области, изъ махали Бричь-мулла, но времени своего выселенія не помнятъ. Обь-паршакъ, примыкающій къ Дукаму, основанъ въ самое послѣднее время пореселенцами изъ Аблыка.

Наиболѣе распространенный таджикскій типъ слѣдующій: индо-европейскій овалъ лица съ правильными чертами, при чемъ у многихъ нѣсколько выдѣляются величиною уши, носъ и губы; средней величины темные, каріе или черные глаза и обильная темная растительность на лицѣ. Другой типъ, бросающійся въ глаза, сильно напоминаетъ еврейскій: та же тонкая кожа на лицѣ, большіе черные миндалевидные глаза, орлиный носъ и наконецъ, длинная черная, какъ смоль, борода, вьющаяся по краямъ. Третій

типъ, очень рѣдкій, это типъ таджиковъ со свѣтлою окраской волосъ и глазъ. У такихъ таджиковъ волосы рыжеватые или русые, а глаза сѣрые или сѣро-голубые. Бѣлокурого таджика съ голубыми глазами я видѣлъ только одного. Затѣмъ встрѣтилъ одного альбиноса въ Заргентѣ. По своему тѣлосложенію, таджики народъ крупный, мускулистый: вращаясь цѣлый мѣсяцъ среди нихъ, я встрѣтилъ только одного таджика низкаго роста, это Невичскій имамъ и да-мулла, старикъ 65 лѣтъ. За то этотъ старикъ—крѣпкій коренастый субъектъ, съ прекрасно сохранившимися умственными способностями и физической силой. Средній ростъ видѣнныхъ мною таджиковъ 2 арш. 6 вершковъ; но попадаются буквально геркулесы.

За исключеніемъ смѣшанныхъ кишлаковъ, Абылка и Баксука, расположенныхъ въ долинѣ Ангрена, всѣ таджикскія поселенія ютятся въ глубинѣ горъ. Особенно замѣчательно мѣстоположеніе кишлака Юкоры-Нанай: онъ находится въ котловинѣ, со всѣхъ сторонъ окруженъ горами и представляетъ изъ себя чудную природную крѣпость съ двумя проходами на развѣтвленіяхъ ущелья Канчигаи.

Природа горныхъ мѣстностей, занимаемыхъ таджиками, почти вездѣ одинакова; нѣсколько богаче она къ сѣверу отъ Чимгана. Тамъ изъ горныхъ деревьевъ и другихъ растений обращаютъ на себя вниманіе орѣхъ, вишня, фиستانки, миндаля, урюкъ, яблоня, барбарисъ, боярышникъ, виноградъ, тутъ, джигда, тополь, таль, карагачъ, иргай, шиповникъ, крыжовникъ и ежевика. Горныя деревья растутъ то разбросано—по одному, по два, то группами одной какой-либо породы, то, наконецъ, смѣшанными рощами. Рощи обыкновенно растутъ въ ущеліяхъ, по которымъ протекаютъ чудные родники. Множество разныхъ птичекъ, не

исключая и соловья, оглашаютъ такія чащи своимъ пѣніемъ. Случается видѣть тамъ въ горахъ, на страшной высотѣ у себя надъ головою, рѣзвящихся кінговъ (дикихъ козъ), а въ глубинѣ горъ, далеко отъ людей, гдѣ-нибудь въ густой рощѣ, можно повстрѣчать и медвѣдя; кабаны же составляютъ здѣсь не рѣдкость.

Постройки у таджиковъ точно такія же, какъ и у сартовъ, развѣ только тѣснѣе и бѣднѣе. Средняя постройка обходится горному таджику рублей въ 50—60. При страшныхъ ливняхъ въ горахъ таджикская постройка рѣдко выдерживаетъ болѣе 10—15 лѣтъ.

Главное занятіе таджиковъ — земледѣліе, при чемъ всѣ продукты земледѣлія идутъ на себя. Сѣютъ пшеницу, ячмень, просо, кунакъ, ленъ и клеверъ. Рисъ сѣютъ изъ таджиковъ только жители Аблыка, хотя посѣвы его я видѣлъ гораздо выше, въ Кара-мазарѣ, на примѣръ. Огородничествомъ таджики также занимаются для себя и получаютъ со своихъ бахчей (огородовъ) дыни, арбузы, огурцы, тыквы, лукъ и морковь. Отъ своихъ фруктовыхъ садовъ таджики пользуются орѣхами, яблоками, виноградомъ, вишней, сливами, грушами, гранатами, тутомъ, персиками, миндалемъ, урюкомъ, черешней и пр. Часть этихъ фруктовъ сѣбдается самими таджиками, а часть продается разнымъ покупателямъ, главнымъ образомъ, городскимъ. Особенно скупаются у таджиковъ: орѣховый наплывъ, орѣхи, гранаты, миндаль и фисташки. Говорятъ, что вырученными отъ продажи орѣховъ деньгами горные таджики уплачиваютъ подати. За неимѣніемъ выионовъ скотоводствомъ занимаются лишь очень немногіе таджики. Въ Бричь-муллѣ, Богустанѣ, Нанаѣ, Бискѣнѣ и Юборы-Нанаѣ существуетъ пчеловодство въ малыхъ размѣрахъ. Впрочемъ, прошлую зиму отъ хо-

лodu много пчелъ вымерло въ этихъ кишлакахъ. Попадаютъ между таджиками и охотники, преимущественно на кинговъ. Въ Юкоры-Нанаѣ встрѣтилъ я даже одного охотника на медвѣдей.

Таджикки не могутъ похвалиться своимъ благосостояніемъ. Главное богатство ихъ заключается въ урожаѣ отъ посѣвовъ подъ дождь. Между тѣмъ въ горахъ часто бываетъ то слишкомъ мало атмосферныхъ осадковъ, то слишкомъ много. И то и другое, конечно, вредить полямъ. Хотя посѣвъ производится таджиками разъ въ году, но и тотъ иногда не собирается по причинѣ ранней и холодной осени въ горахъ. Жестокія зимы съ глубокимъ снѣгомъ также вліяютъ на урожай хлѣба въ горахъ. Въ прошломъ въ 1890/1900 году, напримѣръ, въ горахъ выпало такъ много снѣгу, что мѣстами глубина его доходила до 12 аршинъ. Безъ чамбаровъ нельзя было ходить по снѣгу. (Чамбараками называется приспособленіе, до нѣкоторой степени замѣняющее таджикамъ наши лыжи; они не даютъ человѣку проваливаться въ снѣгъ; дѣлаются изъ дерева, состоятъ изъ круглаго обода съ перекрестными планками въ серединѣ и оставляютъ слѣдъ, похожій на слѣдъ отъ лапы громаднаго животного). Прошлогдній обильный снѣгъ залежался въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, сдѣлалъ ихъ слишкомъ сырыми и такимъ образомъ былъ причиною плохого урожая въ этомъ году. Если у таджика есть лошадь, пара воловъ, корова, двѣ-три козы, онъ уже считаетъ себя зажиточнымъ. Богаче другихъ жители Бричь-муллы, Богустана и Аблыка.

Пища таджиковъ почти ничѣмъ не отличается отъ сартовской: только мясо, имѣющееся не вездѣ, во многихъ мѣстахъ заготавливается вяленое и соленое. Изъ кушаній, которыхъ мнѣ не приходилось видѣть у сартовъ, я встрѣ-

тиль у таджиковъ, да и то лишь въ сѣверныхъ кишлакахъ, именно—въ Богустанѣ, Нанаѣ, Бискѣнѣ, Югоры-Нанаѣ и Бричь-муллѣ, только одно, называемое таджиками „оллы“. Приготавливается оно изъ муки клубней горнаго растенія того же названія, съ примѣсью нѣкотораго количества воды, молока и масла, или безъ него. Получается родъ нашего киселя бѣлаго цвѣта. Кушанье настолько вкусно, легко и приятно на видъ, что могло бы сдѣлать честь и русскому столу.

Какъ всѣ горцы, таджики народъ добродушный и гостеприимный, особенно тѣ, которые удалены отъ большихъ населенныхъ центровъ. Насколько горный таджикъ добродушнѣе своего сосѣда, сарта, видно уже изъ того, что не каждый сартъ, поселянинъ, станетъ охотно разговаривать съ русскимъ, даже если послѣдній хорошо владѣетъ сартовскимъ языкомъ; между тѣмъ всякій таджикъ радуется, какъ ребенокъ, когда услышитъ отъ русскаго нѣсколько хотя бы плохихъ таджикскихъ фразъ и сейчасъ же восклицаетъ по адресу такого русскаго: „Да ты таджикъ!“

По грамотности и развитію таджики ташкентскаго уѣзда ниже сартовъ. Не въ каждомъ таджикскомъ селеніи имѣется школа и учитель. Въ большинствѣ видѣнныхъ мною кишлаковъ мнѣ попадалось по 3—4 грамотныхъ въ каждомъ, да и тѣ читаютъ чуть не по складамъ, а писать рѣдкій-рѣдкій умѣетъ.

Разъѣзжая по таджикскимъ и сартовскимъ кишлагамъ, замѣчаешь еще, что таджики, сравнительно съ сартами, менѣе щепетильны и по части заботъ о своей виѣшности: въ сартовскомъ кишлакѣ вы непременно увидите нѣсколько человекъ въ саллѣ (чалма); таджики же надѣваютъ саллю только во время намазовъ, а въ остальное время

ходить обыкновенно просто въ тибетейкахъ; въ дорогѣ же носить круглую войлочную шляпу китайскаго типа.

Своею религіозностью, преимущественно виѣшною, таджики чуть ли не превосходятъ сартовъ. Видя на мнѣ часы, они вездѣ изводили меня вопросами, сколько времени осталось до такого-то намаза. Обиліе святыхъ и мазаровъ у таджиковъ вызываетъ насмѣшки даже со стороны сартовъ. Наиболѣе чтимые мазары находятся въ слѣдующихъ таджикскихъ кишлакахъ: въ Богустанѣ — мазаръ Шейхъ-Умаръ-вали, въ Бискѣнѣ — Ходжа Абдуллайм-Ансори, въ Югоры-Нанаѣ — Кябутаръ-кумушъ-ота, между Богустаномъ и Югоры-Нанаемъ, на лѣвомъ берегу Бискѣна, — Бабиль-Гарать или Бува-Булгаръ-ота (булгаръ — болгаринъ) и въ Заркентѣ — Бобой-мурадъ-бахшъ и Бобой-мардакъ или Тошъ-ота. *) Въ нѣкоторыхъ мазарахъ, напримѣръ, въ Богустанскомъ и Заркентскомъ, могилы святыхъ есть, а въ нѣкоторыхъ, какъ Бабиль-Гарать, нѣтъ. Своихъ святыхъ таджики считаютъ арабами, большею частью, выходцами изъ Мекки или Медины и при томъ почти всѣхъ — современниками другъ другу.

По обычаямъ и правамъ ташкентскіе таджики ничѣмъ существенно не отличаются отъ сартовъ. Мнѣ показалось только, что таджики, въ особенности же ихъ женщины, болѣе старательно носятъ трауръ по умершимъ: у нихъ даже дѣти во время траура лишаются своихъ игръ и развлеченій. Кромѣ того, бросается въ глаза таджикскій обычай, по которому, когда въ какомъ-нибудь домѣ случится покойникъ, родственники умершаго стремительно

*) Во всѣхъ этихъ названіяхъ сохранено мѣстное произношеніе *о* вмѣсто *а*. Ред.

бѣгутъ привѣтствовать посѣтителей объятіями. У сартовъ такъ не дѣлается.

Отношеніе таджиковъ къ употребленію въ пищу больныхъ животныхъ и угощенію мясомъ ихъ гостей такое же, какъ у прочихъ нашихъ туземцевъ. По словамъ одного русскаго лѣсооблѣзчика, ему пришлось однажды присутствовать гостемъ въ домѣ богатаго киргиза, гдѣ ѣли сапную лошадь; мнѣ же пришлось быть у одного таджикскаго старшины, который назвалъ гостей и приказалъ зарѣзать для нихъ барана съ громадной язвою на курдюкѣ только потому, что этотъ баранъ не подавалъ надеждъ на выздоровленіе. Точно также таджикъ, подобно другимъ туземцамъ, спокойно поставитъ передъ гостемъ чашку козьего молока, въ которое при доеніи случайно упалъ шарикъ козьего каала, оправдываясь тѣмъ, что вѣдь пленка у шарика не прорвалась, — значитъ, молоко „халѣль“ (чистое); если бы пленка прорвалась, тогда молоко было-бы „харомъ“ (поганое).

Таджикская женщина въ описываемыхъ мною мѣстахъ пользуется такою же относительною свободой, какъ и вообще туземная женщина въ большинствѣ кишлаковъ; по крайней мѣрѣ, онѣ ходятъ съ открытымъ лицомъ. Красавиць я не встрѣбалъ между таджичками, но и безобразныхъ не видѣлъ; стройныя и рослыя женщины попадаются очень часто.

Свобода кишлачной жизни и многоженство оказываетъ вліяніе на нравственность таджиковъ. Въ одномъ мѣстѣ ревнивый мужъ поймалъ однажды будто бы трехъ воровъ; на самомъ же дѣлѣ это были любовникъ его жены и два товарища съ нимъ. Въ другомъ мѣстѣ мнѣ передавали, что младшая жена такого-то аксакала пошаливаетъ.

Про дочку другого аксакала говорили, что она находится въ интимныхъ отношеніяхъ съ русскимъ лѣсообъѣзчикомъ, отъ котораго будто бы туземки вообще не бѣгаютъ. Даже одинъ ишанъ-таджикъ разошелся съ одною изъ своихъ женъ, потому что та, въ отвѣтъ на его замѣчанія, заявила: „гдѣ хочу, тамъ и хожу; когда хочу, тогда и прихожу домой!“ Привожу здѣсь мысли старика-таджика изъ Баксука о женщинахъ: онъ съ анломбомъ увѣрялъ меня, что Богъ создалъ человѣка для того, чтобы любить женщинъ—въ этомъ счастье, и что хорошая женщина—рай, а плохая адъ.

Въ настоящее время главнымъ отличіемъ таджиковъ ташкентскаго уѣзда отъ сартовъ является ихъ нарѣчіе персидскаго языка. Но и сартовскимъ (тюркскимъ) языкомъ таджики владѣютъ также свободно, какъ и роднымъ. Тоже самое нужно сказать и о таджикахъ Самарканда, Ходжента, Ура-Тюбе, Чуста и др. мѣстъ Туркестанскаго края *). По моимъ наблюденіямъ ташкентскіе таджики пользуются сартовскимъ языкомъ въ жизни больше, чѣмъ своимъ роднымъ. Это обстоятельство служитъ лучшимъ признакомъ сартизаціи между ними, которая страшно сильна и идетъ гигантскими шагами впередъ. Можно съ увѣренностью сказать, что въ близкомъ будущемъ таджики забудутъ родной языкъ и окончательно сольются съ сартами. Примѣры превращенія таджиковъ въ сартовъ мы видимъ на кишлакахъ Кара-мазаръ, Паркентъ, Чанги, Хиссаракъ, Сувакъ, Сагинакъ и Пскентъ. Теперь населеніе этихъ кишлаковъ, простирающееся до 220 дворовъ и 1200 человѣкъ

*) Горные таджики Дарваза, Рушана, Шугнана и Вахана очень немногіе знаютъ тюркскія нарѣчья.

обоого пола, сартовское, а въ недалекомъ прошломъ оно было таджикскимъ. Въ Чанги, Хиссарагъ, Сукакъ и Сангинакъ не осталось никакихъ слѣдовъ таджиковъ: только помнить, что въ старину эти населенія были таджикскими, но въ Паркентѣ у многихъ еще въ памяти, какъ нѣкоторые старики махале Учакъ (учакъ-ходжаларъ) говорили между собою по таджикски. Да и теперь еще наберется 5—10 коренныхъ паркентцевъ, не забывшихъ родного языка; съ однимъ изъ нихъ мнѣ пришлось бесѣдовать. Въ Пскентѣ, основанномъ, по словамъ туземцевъ, бухарскимъ эмиромъ, Абдулла-ханомъ, болѣе 300 лѣтъ назадъ, первыми жителями были таджики. Абдулла-хану же приписываютъ и устройство рабата (станціи) на рѣдникѣ Кайнаръ. Въ настоящее время въ махале Дехи-боло Пскента живетъ нѣсколько семействъ, которыя помнить свое таджикское происхожденіе и понимаютъ по таджикски, но говорить почти не могутъ. Въ Кара-мазарѣ хотя не осталось таджиковъ, но есть одинъ кварталъ съ мечетью, которые такъ и называются таджикскими. Какъ быстро идетъ сартизация между таджиками, можно судить по кишлакамъ Шаугазу и Аблыку. Въ первомъ 40 дворовъ съ населеніемъ болѣе 150 человекъ; всѣ шаугазцы считаютъ себя настоящими таджиками и понимаютъ таджикское нарѣчіе, но свободно говорить на немъ можетъ только не болѣе $\frac{1}{4}$ ихъ. Въ Аблыкѣ смѣшанное населеніе, сартовское и таджикское, при чемъ численный перевѣсъ на сторонѣ таджиковъ: изъ общаго числа, 288 дв. съ 1000 чел., таджиковъ около 200 дв. съ 700 чел.; изъ нихъ около $\frac{1}{3}$ только понимаетъ по таджикски, но говорить плохо.

Слѣды тюркизации между таджиками ярко сказываются въ языкѣ ихъ. Самыя обыденныя слова, какъ названія

родственниковъ, многихъ частей тѣла, болѣзней и пр., перешли въ таджикское нарѣчіе изъ тюркскаго языка. Особенно много у таджиковъ существительныхъ, произведенныхъ отъ тюркскихъ глаголовъ. Вообще языкъ таджиковъ ташкѣнтскаго уѣзда переполненъ сартовскими словами. Если арабскія и персидскія слова составляютъ около $\frac{1}{3}$ сартовскаго лексикона, то сартовскія слова въ свою очередь окажутся не въ меньшемъ количествѣ въ таджикскомъ нарѣчій нашего уѣзда.

Вліяніе сартовъ на таджиковъ сказалось и въ произведеніяхъ народной словесности: своихъ народныхъ пѣсень и сказокъ у таджиковъ нѣтъ; пѣсни и сказки у нихъ сартовскія или книжныя—персидскія. Сколько я ни старался услышать хоть одну чисто таджикскую сказку, этого мнѣ не удалось. Въ Бискѣнѣ познакомили меня съ первымъ сказочникомъ кишлака и что же? онъ оказался только способнымъ передавать на таджикскомъ нарѣчій сартовскія сказки. Такъ онъ разсказалъ мнѣ по таджикски сартовскую сказку „Мошь“, все время сбиваясь на тюркскій языкъ, а самыя характерныя мѣста сказки такъ и передавалъ по сартовски. Въ Заркентѣ другой сказочникъ на мою просьбу разсказать мнѣ таджикскую сказку, совершенно неожиданно для меня скороговоркой вынамялъ мнѣ киргизскую сказку.

Не вѣря таджикамъ, что у нихъ нѣтъ своихъ народныхъ пѣсень, я постоянно прислушивался къ тому пѣнію и мурлыканію подъ носъ, которыя мнѣ приходилось слышать отъ таджиковъ въ кишлакахъ и въ дорогѣ. Бду какъ-то вечеромъ по кишлаку Бричь-мулла и слышу въ одномъ саду хоровое пѣніе, конечно въ унисонъ. Вслу-

шиваюсь — сартовская юмористическая пѣсня, „Блоха“. Изъ Бискёна въ Кабутарь-кумушь-ота Ыхаль со мною жизне-радостный парень, таджикъ; всю дорогу веселость его выливалась въ сартовскихъ пѣсняхъ. Только однажды мнѣ посчастливилось подслушать въ пѣснѣ таджикскія слова آمد آمدہ است کہتم قرہ کوز آمدہ است کردم (пришла, пришла, сказала я, черноокая, пришла моя душечка) но это оказался припѣвъ опять-таки къ сартовской пѣснѣ. Въ Заркенѣ вотъ уже 8 лѣтъ живетъ одинъ ташкентскій сартъ; онъ говоритъ, что за это время ни разу не слышалъ ни одной таджикской пѣсни или сказки. „Только въ самое послѣднее время“, передавалъ онъ мнѣ, „я сталъ слышать таджикскую пѣсню: آمد آمدہ است کردم قرہ کوز (пришла моя душечка, черноокая). Это онъ слышалъ приведенный мною выше припѣвъ къ сартовской пѣснѣ.

Изъ персидскихъ книжныхъ произведеній таджики распѣваютъ стихотворенія Бидыля, Ходжа-Хафиза, Шамси-Табриза и др. Лучшаго пѣвца, таджика, я слышалъ въ Аблыкѣ: онъ житель Ферганской области, кишлака Бува-Дарханъ, пѣлъ много и сартовскихъ и книжныхъ персидскихъ пѣсенъ, хотя неграмотенъ. На мой вопросъ, какихъ пѣсенъ онъ знаетъ больше, сартовскихъ или персидскихъ, онъ, не задумываясь, отвѣтилъ: сартовскихъ. Сартовскую пѣсню съ таджикскимъ припѣвомъ: آمد آمدہ است (пришла, пришла и т. д.) полностью я услышалъ отъ этого ферганскаго таджика.

Изъ обычаевъ, характеризующихъ сартизацию между таджиками, укажу на привившійся среди нихъ чисто тюркскій обычай, *قال ليق او يناش* въ силу котораго дѣвушка еще до *نکاح* (брака) фактически становится женою (*).

(*) Нельзя назвать такой обычай «чисто тюркскимъ».

Ассимиляція таджиковъ съ тюрками сказывается и въ наружности: въ Шаугазѣ у многихъ таджиковъ тюркскія черты лица. Тоже и въ Аблыгѣ: настоящіе таджикскіе типы тамъ рѣдки, вырождаются.

Какіе же факторы играютъ главную роль въ тюркизаціи таджиковъ, кромѣ общей съ сартами религіи? Прежде всего географическое положеніе: таджикскіе кишлаки являются, такъ сказать, ничтожными островками среди моря тюркскаго населенія; они со всѣхъ сторонъ окружены массою сартовъ, киргизъ, кара-киргизъ и курамы. Сартовскіе кишлаки и поселенія курамы въ ташкентскомъ уѣздѣ намъ извѣстны. Здѣсь же я укажу тѣхъ киргизъ и кара-киргизъ, которые попадались мнѣ на пути. По дорогѣ изъ Ходжакента въ Бискенъ и Юкоры-Накай я встрѣтилъ кочующихъ кара-киргизъ родовъ Тугалкъ-башъ, Хытой, Тунь-Тагаръ и Хира и киргизъ родовъ Капаль и Чегиръ. Между Кара-мазаромъ и Намданагомъ особенно много подалось киргизъ рода Кунгратъ; они являются сюда съ береговъ Сыра и Келеса во время уборки хлѣба, въ качествѣ жнецовъ и перевозчиковъ. Кромѣ Кунграта, по дорогѣ изъ Кара-мазара въ Намданагъ встрѣчались киргизы родовъ Қааны, Кара-Минасъ, Джалаиръ, Тамгалы и у озера Ходжа-куль, почему-то названнаго на картѣ Джанъ-куль, Аганай-Юлукъ. Передъ Кара-мазаромъ одни киргизы даже назвались мнѣ *خواجه* (ходжа), потомками первыхъ мусульманскихъ халифовъ.

Велѣдствіе постоянного общенія съ тюрками, таджикъ съ младенчества усваиваетъ сартовскій языкъ наравнѣ со своимъ роднымъ. Неудивительно поэтому, что тюркскій языкъ является самымъ могущественнымъ средствомъ сартизаціи таджиковъ, въ особенности, если принять во

вниманіе смѣшанные браки, практикующіеся между всѣми нашими туземцами. Таджики родятся не только съ сартами, но даже съ курамою, киргизами и кара-киргизами, правда, съ тремя послѣдними сосѣдями не такъ охотно, какъ съ сартами, и только въ томъ случаѣ, если они болѣе или менѣе зажиточны. Впрочемъ, киргизы, кара-киргизы и курама сами быстро сартизируются, а превратившись въ сартовъ, они уже не подвергаются пренебреженію со стороны таджиковъ и съ теченіемъ времени, путемъ смѣшанныхъ браковъ, все-таки значительно влияют на тюркизацію таджиковъ. При смѣшанномъ бракѣ, возьметъ ли таджикъ, положимъ, сартянку за себя, или таджичка выйдетъ за сарта, господствующимъ языкомъ въ семьѣ дѣлается, конечно, сартовскій. Въ такихъ случаяхъ большинство дѣтей даже не научается таджикскому нарѣчію. Этимъ главнымъ образомъ и объясняется тотъ фактъ, что въ Шаугазѣ около $\frac{3}{4}$ таджикскаго населенія, а въ Аблыкѣ около $\frac{1}{3}$ плохо говорятъ на своемъ родномъ языкѣ.

Къ насадителямъ сартовскаго языка между таджиками могутъ причислить себя и переводчики русскихъ властей, особенно прежніе, состоявшіе почти исключительно изъ тюрковъ. До прихода русскихъ официальнымъ языкомъ у туземцевъ въ краѣ былъ персидскій, на которомъ пишутъ таджики. Переводчики же русскаго правительства, не зная въ большинствѣ случаевъ этого языка, требовали и теперь требуютъ не только отъ сартовъ, но и отъ таджиковъ, чтобы они вели дѣловую переписку съ властями на сартовскомъ языкѣ. Такимъ-то путемъ сартовскій языкъ постепенно сдѣлался официальнымъ языкомъ у туземцевъ и теперь мирзы-таджики самымъ усерднымъ образомъ пишутъ по сартовски даже тѣ документы, которые не

поступаютъ въ русскія канцеляріи. Повторяю, что требованіе прежними переводчиками сартовскаго языка вмѣсто персидскаго обусловливалось незнаніемъ ими этого послѣдняго. Въ такомъ же требованіи нынѣшнихъ переводчиковъ иногда проглядываетъ уже націонализмъ. По крайней мѣрѣ мнѣ извѣстенъ такой фактъ: нѣсколко лѣтъ тому назадъ бывшее самаркандское общество покровительства животнымъ вздумало преподнести бухарскому эмиру дипломъ на званіе своего почетнаго члена; прекрасно зная, что бухарцы говорятъ по таджикски и пишутъ по персидски, самаркандскіе переводчики все-таки дипломъ перевели съ русскаго на сартовскій языкъ и только пишущій эти строки убѣдилъ русскаго чиновника, командированнаго поднести дипломъ эмиру, въ неумѣстности тутъ сартовскаго языка, послѣ чего изъ Самарканда былъ присланъ новый дипломъ, уже на персидскомъ языкѣ.

Не послѣднее значеніе въ сартизаціи таджиковъ имѣетъ неустойчивость ихъ въ своемъ родномъ и податливость на все чужое. Характернымъ примѣромъ этого можетъ служить кара-мазарскій имамъ, чистокровный бухарскій таджикъ изъ Куляба. Онъ прибылъ въ Кара-мазаръ молодымъ человѣкомъ, не зная тюркскаго языка, женился на сартянкѣ, и дѣти его уже не знаютъ по таджикски; отецъ не училъ ихъ своему родному языку. Наблюдая за туземцами въ ихъ обществѣ, вы видите, что, если между 10 таджиками сидитъ хоть одинъ сартъ или киргизъ, разговоръ непременно ведется на сартовскомъ языкѣ.

Езъ своему превращенію въ сартовъ таджики относятся совершенно равнодушно, мнѣ сдается, даже охотно, потому что, сдѣлавшись сартами, они избавляются отъ позорной клички раба, *قل* (кул), данной имъ тюрками. Мно-

гіе жители кишлаковъ Хиссарака, Сангинака и Пскента ни за что не хотѣли сознаться мнѣ въ своемъ таджикскомъ происхожденіи именно потому, что, по ихъ мнѣнію, назвать себя потомками таджиковъ значитъ признать себя рабами. Впрочемъ, въ Хиссаракѣ часть населенія въ самомъ дѣлѣ по происхожденію сарты, потомки охотниковъ, выходцевъ изъ Ташкента, поселившихся въ Хиссаракѣ въ числѣ 5—10 семействъ лѣтъ 100 назадъ.

Что касается сартовъ, то они радуются тому, что *قد یمده آدم تیلینی بیلماکان قل ایمدی ترک بولا یا تیب دی* рабъ, незнавшій прежде человѣческаго, т. е. сартовскаго, языка, теперь становится тюркомъ.

Выше я замѣтилъ, что таджиковъ ташкентскаго уѣзда нельзя назвать народомъ, обезпеченнымъ въ экономическомъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе, они очень довольны своею судьбою сравнительно съ ханскими временами. Это довольство объясняется двумя причинами. Во первыхъ, съ завоеваніемъ края русскими для таджиковъ, какъ и для всѣхъ туземцевъ, стало легче платить подати, при чемъ сборъ податей производится гуманнымъ образомъ, тогда какъ въ ханскія времена бѣдняки понуждались къ уплатѣ налоговъ палками. По словамъ старыхъ туземцевъ, они платили въ ханское время слѣдующіе налоги: ушр.— $\frac{1}{10}$ съ посѣвовъ подъ дождь, хумс= $\frac{1}{5}$ съ орошаемыхъ посѣвовъ, съ садовъ—по тананамъ: съ виноградниковъ—0 тенегъ, съ клевера и проч.—5 тенегъ; затѣмъ, тутунъ-пулы—налогъ съ дыма, окладной сборъ съ домовъ. Кромѣ указанныхъ повинностей, туземцы еще обременялись необходимостью доставлять для ханскаго войска, въ видѣ фуража, ячмень солому, уголь и пр.

Вторая причина, заставляющая теперь ташкентских таджиковъ благословлять свою участь, та, что они избавлены отъ грабежей и разбоевъ со стороны кочевого населения, не прекращавшихся въ краѣ до русскихъ. Въ настоящее время поля таджиковъ тянутся далеко за кишлаками, а раньше посѣвы производились ими часто только внутри кургана (крѣпостцы), за стѣны котораго они не рѣшались выходить, боясь киргизъ, кара-киргизъ и кипчаковъ. Всѣ эти кочевники безпрестанно нападали на беззащитныхъ таджиковъ также, какъ и на самихъ сартовъ. Въ нѣкоторыхъ горныхъ кишлакахъ, какъ Паркентъ, Аблыкъ, и до сихъ поръ сохранились курганы, служившіе туземцамъ защитою отъ кочевниковъ; въ другихъ мѣстахъ, напр. въ Богустанѣ остались лишь развалины кургановъ. Бричь-муллинцы наблюдали за своими врагами съ вершины горы, Дарзъ: какъ только вдали показывалась пыль или появлялись два — три всадника, тотчасъ же всѣ скрывались въ ущельяхъ и рощахъ. Кочевники являлись, грабили кишлакъ и угоняли скотъ. Часто таджики, спасаясь отъ враговъ, сами же разрушали свои мосты на рѣкахъ. У стариковъ Бискена и теперь еще свѣжъ въ памяти послѣдній набѣгъ кара-киргизъ на ихъ поселеніе въ годъ взятія русскими Ташкента: подъ предлогомъ измѣны таджиковъ Худояръ-хану, кара-киргизы напали на нихъ и снесли ихъ кишлакъ, находившійся въ то время на лѣвомъ берегу р. Бискена, при чемъ совершено было много убійствъ. Несчастные таджики снова выстраивались уже на правомъ берегу рѣки, на менѣе удобномъ мѣстѣ. Поэтому бискенцы и до сихъ поръ боятся кара-киргизъ, которыхъ насчитываютъ близъ Бискена болѣе 150 кибитокъ, разбросанныхъ по ущельямъ. Таджики Бискена спрашивали

меня, нельзя ли русскимъ властямъ приказать кара-киргизамъ прекратить ихъ подозрительныя сходбища въ ущельяхъ и поселиться всеѣмъ вмѣстѣ, образовавъ благоустроенный кишлакъ. Съ приходомъ русскихъ въ край все таджики вздохнули свободнѣе и теперь благодарятъ Бога и Русскаго Царя за ниспосланный имъ миръ и сравнительное благосостояніе.

Прежде, чѣмъ закончить настоящій отчетъ, скажу нѣсколько словъ о таджикскомъ нарѣчій ташкентскаго уѣзда сравнительно съ тѣмъ, которымъ говоритъ неграмотное населеніе въ Бухарѣ и Самаркандѣ. Образованные по своему таджики стараются говорить чистымъ персидскимъ языкомъ, на письмѣ же обязательно пользуются имъ, такъ какъ письменнаго таджикскаго языка или нарѣчія не существуетъ. Съ грамматической стороны ташкентское таджикское нарѣчіе рѣзко отличается отъ бухарско-самаркандскаго только способомъ передачи трехъ нашихъ падежей: дательнаго, винительнаго-направленія и предложнаго-мѣста. Какъ разъ эта же самая особенность имѣется и въ сартовскомъ языкѣ тѣхъ же мѣстностей. Если къ этому прибавить, что въ нарѣчій таджиковъ ташкентскаго уѣзда еще больше тюркской лексической примѣси, чѣмъ въ таджикскомъ нарѣчій Бухары и Самарканда, то этимъ исчерпывается вся существенная разница между интересующими насъ діалектами персидскаго языка.

О таджикскомъ же нарѣчій вообще сравнительно съ настоящимъ персидскимъ языкомъ замѣчу, что оно отличается отъ послѣдняго съ фонетической стороны болѣе открытымъ, мягкимъ и глубокимъ характеромъ гласныхъ звуковъ, а съ синтаксической — построеніемъ рѣчи на тюркскій ладъ. Владѣющему сартовскимъ и персидскимъ языкамъ

ми нетрудно убѣдиться, что, при знаніи грамматическихъ особенностей таджикскаго нарѣчія, ему слѣдуетъ только совершать дословный переводъ съ сартовскаго персидскими словами, съ соблюденіемъ названныхъ особенностей, и у него будетъ выходить совершенно по таджикски, такъ какъ таджикское нарѣчіе и сартовскій языкъ, по грамматической конструкціи своихъ оборотовъ, представляютъ изъ себя какъ бы сколокъ другъ съ друга.

Въ заключеніе докладываю общему собранію, что въ полномъ отчетѣ у меня будутъ приведены, кромѣ главнѣйшихъ діалектологическихъ отличій таджикскаго нарѣчія, отъ персидскаго языка, два—три таджикскихъ разказа русскими буквами, съ русскимъ переводомъ.

Л. Кузнецовъ.